

¹³ Паришина Е. А. Раскопки Кутлакской экспедиции // АО 1984 г. — М., 1986. — С. 288.

¹⁴ Фролова Н. А. Золотая монета 338 г. б. э. = 41 г. н. э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. — 1986. — № 4. — С. 54; Сапрыкин С. Ю. Уникальный статер царицы Динамии // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. — М., 1989. — С. 106—108.

Одержано 10.03.93

О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ

В. А. Булкин

Зодчество второй половины XI — начала XII в. развивалось под знаком значительно большего, чем в предшествующий период, типологического разнообразия. Другой стороной этого процесса была тенденция к стилизации архитектурного типа храма¹, полностью оформившаяся в первой половине XII в. Княжеский заказ по-прежнему преобладает в каменном строительстве, но одновременно с большей отчетливостью, в этой сфере обнаруживает себя и другая социальная группа — духовенство. Общественное положение заказчика вполне определено отражается на типологии возводимых храмов. Неповторимым своеобразием выделяются храмы, строившиеся по заказу высших церковных иерархов².

Общезвестна роль, которую сыграла для выработки своего рода канона соборного храма Успенская церковь Киево-Печерского монастыря, возведенная по инициативе игуменов Феодосия и Стефана артелью византийских мастеров. Художественная выразительность здания, ясность и чеканная цельность композиции надолго закрепили за ним статус образцового сооружения, которому сознательно следовали в дальнейшем. Найденное в соборе объемно-пространственное решение вероятно соответствовало тем задачам, которые ставились перед архитектурой новыми историческими условиями.

Если собор Киево-Печерского монастыря находится у истоков целого направления в зодчестве домонгольского времени, то церковь Богородицы в Кловском монастыре, завершенная в 1108 г., осталась в истории древнерусского зодчества явлением уникальным. По реконструкции Г. Н. Логвина, это был пятинефный храм с галереями, его огромный купол несли 8 столбов. Своеобразие композиционного и конструктивного решения связано несомненно с ориентацией его заказчика игумена Стефана на византийский образец.

С деятельностью митрополита Ефрема связано строительство Михаило-Архангельского собора в Переяславле. Как и собор Кловского монастыря храм Михаила Архангела — постройка уникальная в истории древнерусского зодчества. Происхождение необычной планировочной и объемно-пространственной структуры здания, как полагают исследователи, следует искать за пределами складывающейся древнерусской архитектурной традиции³. Та же строительная артель возводит в Переяславле еще несколько церквей, значительно меньших по размеру, чем Михайловский собор, но также чрезвычайно своеобразных в плане. С уверенностью можно считать, что особенности переяславских храмов были predeterminedены грекофильскими вкусами заказчика — митрополита Ефрема.

Индивидуальное своеобразие храмов, возведенных в это же время по княжескому заказу, носит иной характер, обнаруживая явное тяготение к типологическому и стилистическому единообразию, связанному, надо полагать, с ориентацией на образцы одного архитектурного ряда. Культурный кругозор, который во многом предопределял возможности заказчика в выборе образца, у представителей духовенства, судя по результатам строительства во второй половине XI в., был более широким, чем у князей, ориентировавшихся главным образом на постройки уже существовавшие в древнерусских городах. Заказчики же из среды духовенства демонстрируют хорошее знание архитектурных образцов византийского зодчества, до той поры неизвестных на Руси. В этих постройках было больше своеобразия, но оно часто не получало продолжения в последующем строительстве. Княжеский заказ вариациями одной архитектурной темы, больше отвечавшей местным потребностям, определял магистральное направление развития зодчества. Можно предполагать существование и таких построек, в которых обе эти линии сочетаются и образуют своего рода архитектурный сплав княжеского и церковного заказа, устойчивый черт византийского и складывающихся особенностей древнерусского художественного мышления.

Из сохранившихся памятников рассматриваемого периода особняком стоит церковь Спаса на Берестове. Оригинальность архитектурного решения сближает храм с постройками, возведенными по церковному заказу, вместе с тем структура основного объема в целом тяготеет к решению, известным по княжескому строительству. Постройку каменного храма обычно связывают с именем Владимира Мономаха, а основание монастыря с игуменом Германом, поскольку в летописи монастырь именуется «Гермалечь». В контексте архитектуры начала XII в. храм выглядит

исключением из основной линии развития, а его формы не получают прямого продолжения в зодчестве первой половины XII в. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к проблеме датировки храма, в зависимости от которой находится не только место Спасской церкви в архитектурном процессе второй половины XI — начала XII вв., но, в известной мере, понимание динамики и смысла самого процесса развития зодчества в этот период.

Датировка храма временем Мономаха сложилась не сразу. В XIX в. многие исследователи видели в нем постройку конца X — начала XI вв. Основываясь на косвенных исторических данных, П. А. Лошкарев предложил датировать храм началом XII в. и даже более узко — связать его строительство с именем Мономаха. Главный аргумент — захоронение в Спасском храме потомков Владимира Мономаха: в 1135 г. — его дочери Евфимии, в 1158 г. — сына, Юрия Долгорукого, а в 1173 г. — князя Глеба, внука Мономаха.

М. К. Каргер, приняв эту датировку, стремился усилить аргументацию в ее пользу, заострив внимание на необычной кладке здания — из плинфы с утопленным рядом без прокладок из камня. Чисто плинфяную технику исследователь рассматривал как переходную от «орус *mixtum*», характерной для XI — начала XII вв., к равнослойной, порядовой кладке, ставшей правилом в киевской архитектуре с 30-х гг. XII в.⁴ Именно благодаря этому аргументу храм уверенно датируется началом XII в. и рассматривается обычно как завершающее звено в развитии киевского зодчества второй половины XI — начала XII вв. и как памятник, предвещающий новации 30—40-х гг. Как это нередко случается, первоначальное предположение о датировке храма обрело статус факта или почти факта. Между тем, при более внимательном подходе датировка началом XII в. выглядит далеко не такой бесспорной, как это кажется. Основные аргументы в ее пользу нельзя признать достаточными.

О захоронениях в храме потомков Мономаха. Спас на Берестове не был единственной усыпальницей для семьи Мономаха. В Ячине монастыре в 1139 г. похоронен Ярополк Владимирович, сын Владимира Мономаха, а в 1171 г. — внук, Владимир Андреевич. В Софийском соборе в 1154 г. похоронили сына Мономаха Вячеслава Владимировича. Сам Владимир Всеволодович был похоронен не на Берестове, а в Софийском соборе. А его сына, великого князя Мстислава, в 1132 г. положили в соборе Федоровского монастыря, им основанного в качестве «вотчина».

Спасский монастырь нигде в письменных источниках не именуется «вотчим», а это важная мотивировка захоронения, постоянно присутствующая, например, в сообщениях о погребении в Федоровском монастыре. Даже допуская неслучайный характер захоронений в Спасском храме родственников Мономаха, вовсе не обязательно связывать строительство самого храма с Владимиром Всеволодовичем. Исходя из тех же данных, строителем храма можно считать, скажем, отца Мономаха, князя Всеволода. И при таком предположении статус храма-усыпальницы остается тем же, фамильным. Наконец, мотивировка захоронений может и не быть связанной с «вотчим» характером монастыря. Захоронение в том или ином храме могло происходить по завещанию, быть исполнением последней воли умершего.

Таким образом этот ряд фактов, приводимых письменными источниками, недостаточен для решения вопроса о дате возведения храма. Письменные источники позволяют наметить датировку в очень широком диапазоне — от 1072 г., когда монастырь впервые упоминают, и до конца 30-х гг. XII в., когда в нем была похоронена дочь Владимира Мономаха, Евфимия. Для уточнения датировки необходима корректировка, исходя из архитектурных особенностей здания. Такая попытка и была предпринята М. К. Каргером, считавшим, что система кладки из плинфы с утопленным рядом служит аргументом в пользу принадлежности храма рубежу XI и XII вв. и позволяет видеть в нем явление переходное к архитектуре 30—40 гг. XII в.

Однако, и система кладки не является окончательным доводом в пользу такой датировки храма. Система кладки со скрытым рядом существовала в составе «орус *mixtum*» на протяжении всего XI в. Ее выделение и обретение самостоятельного статуса это вопрос, связанный с финансовыми и техническими возможностями производства плинфы. Употребление в кладке камня уменьшало расход плинфы и удешевляло строительство. Появление чисто кирпичной кладки стимулировалось хорошо налаженным производством плинфы и сокращением расхода строительного материала, связанного с уменьшением размера возводимых во второй половине XI в. зданий. Преобладание в кладке плинфы наблюдается уже в наружных галереях Софии Киевской. Не доказано наличие камня в стенах Десятинной церкви. Следует принять во внимание и аргументацию Н. В. Холостенко в пользу появления порядовой кладки из плинфы уже в конце XI в. Все это не позволяет признать систему кладки убедительным аргументом в пользу датировки храма Спаса на Берестове началом XII в. и переходного характера его архитектуры.

В архитектуре Спасского храма имеется целый ряд особенностей, которые выделяют его из киевского архитектурного ряда второй половины XI — начала XII вв. Это решение западной части с крещальней и башней, выступающими за линию боковых стен, притворы, перекрытые необычным для этого времени трехлопастным сводом, высота хор, купольные своды в перекрытии боковых частей под хорами и др. Не исключено, что при трехлопастном завершении фасадов композиция храма носила ярко выраженный башнеобразный характер. В сочетании своеобразных черт здания просматривается особая свобода, далекая от какого-либо намека на стабилизацию архитектурной системы. Это особенно заметно при сравнении Спасского храма с собором Михайловского Златоверхого монастыря, построенного почти одновременно с ним, если придерживаться традиционной датировки. Тип храма с закомарным завершением получил в Михайловском соборе максимально цельное, компактное выражение⁵, свидетельствующее о стабилизации архитектурной системы и превращении ее в своего рода канон, что подтверждается ходом последующего развития киевского зодчества. Об этом наглядно свидетельствуют киевские церкви Богородицы Пирогошей, Кирилловская, черниговский храм Бориса и Глеба, возведенные в 20—40 гг. XII в. Берестовский храм никак не вписывается в это контекст. В нем получил выражение не результат историко-архитектурного процесса, а всего лишь один из этапов его формирования.

Более того — начальный этап. Приведенные выше аргументы позволяют, как представляется, традиционную датировку памятника началом XII в. поставить под сомнение.

Обратимся к фактам, которые могут способствовать положительному ответу на поставленный вопрос. В истории киевского зодчества рассматриваемого периода есть памятник, который не привлекает особого внимания историков. Это собор Дмитриевского монастыря, известный по результатам археологических исследований XIX—XX вв. и плану, найденному и опубликованному Ю. С. Ассевым⁶. Датируется храм 60-ми годами XI в.⁷

Принципиально важно решение западной части постройки. С северо-запада и юго-запада, выступая за боковые стены собора, к нему примыкали пристройки, которые местоположением и соотношением с основным объемом напоминают Спас на Берестове. Речь идет, конечно, о сходстве, а не о совпадении решений плана. С южной стороны фиксируются остатки пристройки, вероятно, южного притвора. Не исключено, что такой же притвор был и с северной стороны. И это сближает Дмитриевский собор с церковью на Берестове. Усложненное решение западной части не встречается в последующих памятниках киевского зодчества. Лишь в соборе Выдубицкого монастыря (1071—1088 гг.) можно видеть угасающий отзвук такого решения.

Композиция западной части здания может рассматриваться как указание на стремление зодчего объединить башню и крещальню с основным объемом при отсутствии галерей, рудиментами которых и в Спасском и в Дмитриевском соборах можно считать притворы.

Для начала XII в. с точки зрения эволюции архитектурной композиции плановое решение этих храмов выглядит не вполне логичным. Более убедительной представляется интерпретация этих двух построек как связующего звена между трехнефными с галереями постройками времени Ярослава Мудрого (церкви Ирины и Георгия, храм на территории митрополичьей усадьбы) и постройками последней четверти XI — первой половины XII вв. Сходство между Дмитриевским собором и церковью Спаса на Берестове можно усмотреть и в некоторых других отношениях (близки общие размеры в плане, мало отличаются параметры плинфы)⁸.

Для обоснования сходства можно указать предпосылки и общестороннего характера. На фоне активной строительной деятельности Святослава и Всеволода Ярославичей странно безинициативной фигурой выглядит их старший брат, преемник Ярослава Мудрого, киевский князь Изяслав, занимавший киевский престол около 20 лет. С его именем прямо не связывается ни одной каменной постройкой. Это выглядит не только странным, но и маловероятным.

А между тем именно в княжение Изяслава впервые упоминаются и Дмитриевский и Спасский на Берестове монастыри. Летописец, монах Печерского монастыря, ревниво отметил, что Изяслав «хотя я створити вышни сего монастыря, надеяся богатстве»⁹. Дмитриевский монастырь, для которого Изяслав привел из Печерского монастыря игумена Варлаама, по княжескому замыслу выступал не только в качестве соперника Печерской обители, но и претендовал судя по всему на первенствующее положение.

В княжение Изяслава впервые упоминается и Спасский монастырь на Берестове. В церемонии переноса мощей Бориса и Глеба в новый вышгородский храм в 1072 г. участвовал спасский игумен Герман. Конечно, из самого факта существования монастыря, прямо не следует наличия в нем каменного собора. Однако такая возможность весьма вероятно и вполне отвечает практике киевского строительства второй половины XI в. Село Берестово после смерти Ярослава Мудрого должно было отойти к Изяславу. По его инициативе основывается монастырь и вероятно строится каменный храм. Точно так позднее поступил Всеволод, основавший при своем Красном дворе на Выдубицах монастырь с каменным Михайловским собором и Святослав, основавший Симеоновский монастырь и каменный храм в нем в 70-х гг. XI в. Точно так же совпадает основание и постройка каменного храма Федоровского монастыря в 1129 г. Мстиславом Владимировичем.

Все это делает существование каменных храмов в Дмитриевском и Спасском монастырях уже при Изяславе вполне вероятным. Могущественный преемник Ярослава, основывая «вотчий» Дмитриевский монастырь и вместе с игуменом Германом монастырь на Берестове, потому вероятно и удостоился неприязненной реплики печерского летописца, что украшенные каменными храмами эти монастыри стали реальными соперниками Печерской обители. Строительство в ней каменного Успенского собора в 1073—1077 гг. могло быть ответным мероприятием в этой неслышимой, а зафиксированной летописью, борьбе за первенствующее положение, за авторитет в складывавшейся монастырской иерархии Руси.

Кстати, отмеченная близость построек Изяслава к монастырским постройкам времени Ярослава Мудрого (тип трехнефного храма с дифференцированными объемами, как знаком еще не изжитой идеи галерей, кладка со скрытым рядом, близкая системе кладки наружных галерей Софии Киевской), может быть объяснена и тем, что Изяслав пользовался услугами мастеров, работавших еще по заказу его отца — Ярослава. В 70-е гг. эта традиция Ярославова строительства в южно-русском зодчестве окончательно прерывается. Как известно, для возведения Успенского собора Киево-Печерского монастыря была вызвана новая группа мастеров и с этого времени ведет свое начало иная типологическая и стилистическая линия в киевском зодчестве. Это однако не означало, что особенности построек Изяслава времени исчезли бесследно, не получив какого-либо отклика в древнерусском зодчестве за пределами Киева.

Во второй половине 60-х гг. полоцко-киевские отношения резко обострились. В 1067 г. князь Всеслав был захвачен Ярославичами и заточен в Киеве. В дальнейшем в ходе конфликта киевлян с Изяславом и его бегства, Всеслав занял киевский престол и удерживал его в течение семи месяцев. У нас нет оснований считать, что Всеслав рассчитывал навсегда закрепиться в Киеве и последовавший его добровольный уход в Полоцк это подтверждает. Заняв место Изяслава, Всеслав получил возможность распоряжаться княжеским хозяйством. Вполне вероятно, что именно тогда строители, работавшие для Изяслава, были отправлены в Полоцк. Такой поступок был бы вполне в характере полоцкого князя, который, как известно, в 1066 г. совершил нечто подобное, — заняв Новгород, он собрал и отправил в Полоцк богатые трофеи, в том числе коло-

кола Софийского собора. Ситуация в Киеве позволяла Всеславу действовать не менее решительно, особенно учитывая неустойчивость его положения в качестве Киевского князя.

Именно этот момент мы считаем наиболее подходящим для появления в Полоцке новой группы мастеров, продолживших каменное строительство в городе. Почерк этой артели вполне проявился в архитектурно-строительных особенностях церкви Спаса на Берестове и, прежде всего в системе кладки из плинфы со скрытым рядом без использования камня. Эта особенность строительной техники стала своего рода опознавательным знаком полоцкой архитектурной школы. В Киеве в 70-е гг. каменное строительство велось очень интенсивно, но показательным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что Всеволод и Святослав строят каменные храмы (собор Михаила в Выдубицком монастыре, церковь Бориса и Глсба в Вышгороде), а возвратившийся в Киев Изяслав в те же годы строит в Вышгороде деревянный храм. Не служит ли это указанием на отсутствие в его распоряжении мастеров каменного дела, которые в это время, как мы пытаемся показать, находились в Полоцке.

Программа последующего полоцкого строительства определялась князем при возможном участии епископа. В первую очередь каменные храмы должны были появиться на княжеском и епископском дворах. На Бельчицах, в загородной княжеской резиденции, строится большой собор, которому исследователи обычно отводят второе место после Софийского собора. Шестистолпный храм с тремя притворами в типологическом и техническом отношении вполне убедительно сближают с церковью Спаса на Берестове и ставят в хронологическом ряду вслед за ней. Таким образом датировка Бельчицкого собора оказывается в прямой зависимости от даты возведения Спасской церкви. Соглашаясь с этой взаимозависимостью, мы, в соответствии с предлагаемой версией полоцкого строительства, полагаем, что бельчицкий собор следует датировать последней третью XI в.

Последние исследования церкви Спаса на Берестове показали, что ее притворы, а возможно и фасады, имели трехлопастное завершение. Композицию храма можно рассматривать как один из первых вариантов постройки башнеобразного типа. В бельчицком соборе, в отличие от киевского храма, подкупольный квадрат сдвинут на одно членение к западу, что делает композицию здания подчеркнуто центрической. Эта особенность плана, обязанная своим происхождением Софийскому собору, служит весомым аргументом в пользу башнеобразности объемно-пространственного решения и бельчицкого собора. Таким образом формирование архитектурной композиции храма с динамичным завершением можно отнести ко второй половине XI в. и вести ее происхождение не от Спасского собора Ефросиньевского монастыря, а от более ранних, в том числе и полоцких памятников. При датировке церкви Спаса на Берестове временем Изяслава появляется возможность не только более ранним временем датировать Бельчицкий собор, но и объяснить происхождение устойчивой технико-технологической особенности полоцкого зодчества — кладки из плинфы со скрытым рядом.

Итак, если принять предлагаемую версию, то каковы главные следствия датировки церкви Спаса на Берестове 60-ми гг. XI в. для истолкования древнерусской архитектуры? Динамика развития киевского зодчества второй половины XI — начала XII вв. получает, как представляется более убедительный характер. Архитектура 60-х гг. XI в. обретает статус связующего звена между зодчеством времени Ярослава Мудрого и последующим строительством 70—80-х гг., а из истории архитектуры начала XII в. выводится памятник, который в нее органически не вписывается. Далее, появляется возможность для более удовлетворительного, чем теперь, объяснения некоторых сторон истории полоцкого зодчества, становления этой архитектурной школы: киевские мастера, продолжившие каменное строительство в Полоцкой земле, привнесли кладку с утопленным рядом, ставшую опознавательным знаком полоцкого зодчества домогольского времени. Вероятно, благодаря тем же зодчим задолго до возведения собора Евфросиньева монастыря в Полоцком зодчестве утвердился тип храма (или появились его предшественники) с динамичными формами завершения. В целом, история возникновения и развития башнеобразного типа храма с учетом датировки Спасского храма 60-ми гг. XI в. обретает существенно иной вид.

Примечания

¹ Комен А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. — М., 1987. — С. 317.

² Булкин В. А. Социальный заказ и церковное строительство на Руси // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. — Л., 1986. — Вып. 3. — С. 28—31.

³ Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила Архангела в Переяславле // Зодч. — Белград, 1979. — № 10. — С. 30—39.

⁴ Каргер М. К. Древний Киев. — М.—Л., 1961. — Т. 2. — С. 391.

⁵ Комен А. И. Древнерусское зодчество... — С. 275—280.

⁶ Асеев Ю. С. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // СА. — 1964. — № 3. — С. 291—296; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. — Л., 1982. — С. 17, 120.

⁷ Каргер М. К. Древний Киев... — С. 282.

⁸ Раппопорт П. А. Русская архитектура... — С. 17, 22, 23.

⁹ ПСРЛ. — Изд. 1923. — Т. 2. — С. 146.

Одержано 8.10.93.